

А. С. МАРТЫНОВ

У истоков троцкизма

Злой рок тяготеет над многими видными левыми социал-демократами, вступившими в партии Коммунистического Интернационала. Они в течение ряда лет до войны и во время войны по-разному боролись с проявлениями оппортунизма внутри социал-демократии, оставаясь, однако, на ее почве. Когда они впоследствии вступили в Коммунистический Интернационал, они, на основании своих прошлых заслуг в борьбе с оппортунистами, были глубоко убеждены, что вносят ценный идейный вклад в компартии, который должен войти как новая составная часть в их большевистскую идеологию.

Но раньше или позже обнаруживалось, что этот вклад был даром данайца, что их «левизна» не большевистская, что она никак не мирится с большевизмом. В аналогичном положении находился и находится т. Троцкий, который, хотя в отличие от западно-европейских левых с.-демократов и прошел школу революции еще в 1905 года, но прошел ее не в большевистском лагере, а в меньшевистском, как левый меньшевик.

Было бы недостойным занятием выкапывать из архива старые меньшевистские прегрешения т. Троцкого после того, как он вступил в большевистскую партию и оказал ей крупнейшие услуги. Особенно недостойно было бы такое занятие для меня, бывшего меньшевика-центровика, вступившего в РКП накануне ее решительных боев, как т. Троцкий, а после решительной победы. Но в том-то и дело, что т. Троцкий никогда не стал в полной мере большевиком. Вступив в большевистскую партию, он не подверг

критической переоценке своих старых взглядов ни публично, ни в собственном сознании. Мало того, он, чем дальше, тем больше старается навязать свой «троцкизм» большевистской партии, колебля, таким образом, самые ее основы. При таких условиях всякий, кому дороги или стали дороги судьбы большевизма, обязан занять определенную позицию по отношению к т. Троцкому и не имеет права молчать. Каждый большевик тем более должен бить тревогу по поводу выступлений т. Троцкого, что это — личность яркая, что он имеет крупные революционные заслуги и поэтому пользуется авторитетом.

Три года тому назад т. Троцкий в письме к т. Ольминскому по поводу старых своих произведений до-большевистского периода писал: «И сейчас я мог бы без труда разбить мои полемические статьи против меньшевиков и большевиков на две категории: одни — посвященные анализу внутренних сил революций, ее перспективам... и другие — посвященные оценке фракций русских социал-демократов, их борьбе и пр. Статьи первой категории я и сейчас мог бы дать без поправок, так как они вполне и целиком совпадают с позицией нашей партии начиная с 1917-го года. Статьи второй категории явно ошибочны. Я нахожу, что переиздавать их не стоило бы»¹.

Свою ошибку в оценке обеих фракций товарищ Троцкий так формулирует: «Неправ я был коренным образом в оценке меньшевистской фракции, переоценивая ее революционные возможности и надеясь на то, что удастся изолировать в ней и свести на нет правое крыло»². По отношению же к большевикам ошибка т. Троцкого заключалась, дескать, в том, что он не предвидел «возможности столь быстрого поворота их от революционно-демократической позиции к революционно-социалистической».

Смысл этого заявления таков: за весь долгий период борьбы между меньшевиками и большевиками вплоть до октября один только т. Троцкий, стоявший над фракциями, занимал правильную позицию в основном вопросе о характере и движущих силах русской революции — позицию, сформулированную им в его теории «перманентной революции». Он грешил лишь тем, что переоценивал способность меньшевиков и недооценивал способность большевиков встать на его, т. Троцкого, революционно-социалистическую точку зрения.

Я, наблюдавший политическую деятельность т. Троцкого в течение многих лет вблизи, с близкого расстояния, должен

заявить, что т. Троцкий искренно, но глубоко заблуждается, что он не познал самого себя.

Я утверждаю и надеюсь доказать это в настоящей статье, во-первых, что т. Троцкий не только переоценивал возможности революционного развития меньшевиков, но и сам в очень существенных вопросах, имевших решающее значение, стоял на меньшевистской позиции; во-вторых, что его теория «перманентной революции» гораздо ближе стояла к концепции и тактике меньшевиков 1905 года, чем ко взглядам большевиков; в-третьих, что и правовернейшие меньшевики в известные моменты защищали эту теорию в 1905 году. Именно поэтому т. Троцкий мог в течение 14 лет, несмотря на неоднократные размолвки, не обрывать своей организационной связи с меньшевиками, оставаясь неизменно чуждым большевикам, и вступил в большевистскую партию только тогда, когда меньшевики сделали новый крупный шаг в сторону оппортунизма, когда они заняли определенно контрреволюционную позицию, стали по ту сторону баррикады, и тем самым, по мнению т. Троцкого, сами поставили себя вне старой партии.

Начну с периода старой «Искры» и раскола РСДРП на II съезде. Молодой т. Троцкий стал сотрудничать в старой «Искре» как политический деятель уже настолько определившийся, что Ленин готов был ввести его в качестве седьмого члена в редакцию, хотя и с маневренной целью, чтобы облегчить выделение из нее центральной «тройки», в которую он т. Троцкого не намерен был ввести.

Тов. Троцкий в «Искре» сразу выявил себя как талантливый публицист, но особенно склонный к психологизму и к фельетонной манере писать (пример: его «Письма обо всем»), в отличие от т. Ленина, писавшего всегда в деловом тоне (примеры: «С чего начать?», «Что делать?») ³.

Далее т. Троцкий с самого начала выявил свою «левизну», но «левизну» специфическую. Поскольку дело касалось «межевания», отмежевания социал-демократии — от эс-эр-ов, с одной стороны, от либералов — с другой, т. Троцкий проявлял максимальное усердие среди «искровцев». Но одновременно он проявлял, по сравнению с другими «искровцами», большую беззаботность относительно трудностей революции, которых нельзя было *заговорить*, которые надо было *преодолеть*, в частности, большую беззаботность к задаче привлечения пролетариатом себе союзников в борьбе. Характерно было для т. Троцкого, что

он в самом начале нашей первой революции, немедленно после 9 января 1905 года писал, что революция уже уперлась во всенародное восстание, что «никакие местные демонстрации не могут уже теперь иметь серьезного политического значения», что «после петербургского выступления должно иметь место только всероссийское выступление», что «русская революция подошла к своему кульминационному пункту».

У меня нет под руками номеров старой «Искры», но в меньшевистской «Искре» из семи статей т. Троцкого — пять посвящены жестокой критике либералов. В своей книжке «О Ленине» т. Троцкий рассказывает: «Вера Засулич жаловалась, что мы, марксисты, своей преждевременной критикой и травлей только запугиваем либералов». — «Вот посмотрите, как они стараются, — говорила она, глядя мимо Ленина, но имея в виду прежде всего именно его». Я могу засвидетельствовать, что Вера Ивановна, хотя, впрочем, позже, по поводу брошюры Троцкого — «9 января», за эту «травлю» больше всего упрекала именно его, Троцкого. В этой брошюре, которую т. Троцкий начал писать в конце 1904 году, он говорил о либералах в таком тоне: «А либеральная печать? Эта жалкая, шамкающая, пресмыкающаяся, лживая, извивающаяся, развращенная и развращающая либеральная печать...» Вера Засулич не могла без раздражения и волнения говорить об этом «либералоедстве»⁴.

Левизна т. Троцкого выражалась и в страстности его полемических статей вообще. В книжке — «О Ленине» он рассказывает, что Ленин, разошедшийся с Плехановым по вопросу о популярном органе, но не желавший обострять с ним спора, сказал Троцкому: «По вопросу о популярном органе пусть уж лучше Плеханову возражает Мартов. Мартов будет смазывать, а вы станете рубить. Пусть уж лучше смазывает»⁵. Это была меткая характеристика стиля Троцкого: он был хороший «рубака».

При таких левых качествах т. Троцкого казалось бы, что он на II съезде партии, в момент раскола, должен был стать на сторону Ленина и «твердых» искровцев. Но вышло не так. В самых боевых вопросах, в вопросе об образовании партийного крепкого центра в лице заграничной редакционной «тройки» и в вопросе о партийной дисциплине (1-й параграф Устава о членстве партии) т. Троцкий сразу и без колебаний стал на сторону «мягких» искровцев, будущих меньшевиков.

Чем это объяснить? Прежде всего — установим некоторые факты. Ленин настаивал на том, чтобы редакция Центрального Органа состояла из тройки — Ленина, Плеханова и Мартова, для обеспечения твердого идейного руководства партией. Мартов настаивал на том, чтобы она состояла из шестерки, чтобы в нее также входили П. Аксельрод, Вера Засулич и Потресов (Старовер), желавшие заодно с Мартовым передать руководство партией практическому центру в России, хотя и менее устойчивому и подверженному случайностям ареста.

Мотивируя свое предложение на съезде, Ленин говорил: «До какой степени глубоко мы расходимся здесь *политически* с т. Мартовым, видно из того, что он ставит мне в *вину* это желание влиять на Цека, а я ставлю себе в *заслугу*, что я стремился и стремлюсь закрепить это влияние организационным путем... И меня нисколько не пугают страшные слова об “осадном положении в партии”, “об исключительных законах” против отдельных лиц и групп и т. п. По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны создавать “осадное положение”!»⁶. В своей книге «О Ленине» т. Троцкий приводит диалог, ярко характеризующий в том же смысле позицию Ленина в этом вопросе. Ленин говорил Троцкому: «“Полемика “русских” цекистов против ЦО — недопустима”. — “Так это не получится полная диктатура ЦО?” — спрашивал я (т. Троцкий). — “А что же плохого? — возражал Ленин. — Так оно при нынешнем положении и быть должно”»⁷. И Мартов, с своей стороны, так же истолковывал смысл плана Ленина насчет редакционной тройки. Возражая против него, Мартов говорил на съезде: «Фактически вся партийная власть передается в руки двух лиц; я слишком мало дорожу званием редактора, чтобы согласиться состоять при них в качестве третьего».

Итак, по плану Ленина «вся власть» в партии в то время должна была сосредоточиваться фактически в руках двух лиц — его и Плеханова.

Что же их связывало? Тов. Троцкий в книжке «О Ленине» рассказывает, что «Плеханов в ответ на горькие и недоуменные упреки П. Аксельрода по поводу плехановского союза с Лениным сказал: «Из такого теста делаются Робеспьеры». Это именно притягивало Плеханова к Ленину. И Ленин в Плеханове прежде всего ценил то, что он был марксистский якобинец. Мы знаем теперь,

из опубликованных в Ленинском сборнике материалов о программной дискуссии в 1902 году, что между Плехановым и Лениным были сильные трения в период старой «Искры». Ленин упрекал Плеханова в том, что он написал проект программы в слишком академическом тоне, что его программа более напоминает учебник, чем руководство практической борьбы. Из этого академизма Плеханова, из того, что он оторвался от русской почвы и застыл на своем лозунге, что русская революция будет буржуазная, — лозунге, в свое время сыгравшем громадную историческую роль в борьбе с народничеством, впоследствии возникли глубокие разногласия между Плехановым и Лениным. Но в то время, во время II съезда, эти разногласия еще не обнаруживались. В то время Ленин глубоко ценил Плеханова прежде всего за то, что он, в отличие от всех европейских социал-демократов, воскресил якобинский дух Маркса и Энгельса.

В этом отношении Ленин тогда был учеником Плеханова, который вскоре, впрочем, перерос своего учителя. Надо: помнить, что Плеханов был первый социал-демократ, который в проект программы внес положение о «диктатуре пролетариата». До того во всех без исключения западноевропейских социал-демократических программах говорилось только «о завоевании политической власти пролетариатом». Надо помнить, что Плеханов первый предсказал, что мы стоим перед началом мировой борьбы между социалистической «Горой» и социалистической «Жирондой». Надо помнить, что Плеханов был первый социал-демократ, который, совершенно в духе Маркса, на II съезде нашей партии осмелился заявить: «Если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться».

Как личное свое мнение я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права... Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его права... Если бы выборы в парламент оказались неудачными, то нам нужно было бы постараться разогнать его не через два года, а если можно — то через две недели».

Вот что связывало в то время Ленина и Плеханова.

Но именно это оттолкнуло от них, и особенно от Плеханова, т. Троцкого. На съезде между Троцким и Плехановым произошел такой инцидент: когда Мартов отказался участвовать в редакционной «тройке», Троцкий, обращаясь к Плеханову, спросил: «Где же вы найдете третьего?». Плеханов ответил: «Не оскудела земля русская талантами». На это тов. Троцкий возразил в дерзком тоне: «Тов. Плеханов, не говорите речей в ложно-классическом стиле». Тов. Троцкий не любил «ложно-классического» стиля Плеханова. Но Плеханов еще больше не любил фельетонного стиля т. Троцкого. В результате после раскола сотрудничество Троцкого с Плехановым в «Искре» стало невозможным. Он вынужден был уйти из «Искры» и уехать. В это время я лично познакомился в Берлине с т. Троцким. Тов. Троцкий, ушедший из «Искры», всячески уговаривал и уговорил меня там вступить в «Искру» (меньшевистскую). Во время этих переговоров я рассказывал т. Троцкому, что II съезд произвел на меня впечатление попытки копировать французский Конвент 1793 года и что под впечатлением этого съезда я пишу брошюру «Две диктатуры»⁸, в которой я доказываю, что Ленин непременно попытается повторить опыт французских якобинцев и установить в России революционную диктатуру и что если это ему удастся, — это неизбежно приведет к банкротству российской социал-демократии, ибо и диктатура французских якобинцев потерпела крушение благодаря тому, что поставила себе утопическую цель — на заре капиталистического развития ликвидировать классовые противоречия при помощи гильотины, а мы ведь пока тоже собираемся сделать лишь буржуазную революцию.

Тов. Троцкий вполне согласился со мной насчет вредности ленинского якобинизма и в своей книжке — «Наши политические задачи», которая вскоре после этого появилась, развил это в последней главе, начинающейся с тезиса: «Не якобинец социал-демократ, а якобинец или социал-демократ»⁹.

Уже из этого отрицательного отношения т. Троцкого к якобинизму видно, что он не понимал или по меньшей мере очень сильно недооценивал того большого, основного дела, которое выполняла старая «Искра» под руководством Ленина. Это дело может быть кратко сформулировано: она стремилась возвысить российскую социал-демократическую рабочую партию до роли *гегемона* в рус-

ской революции. Я говорю о гегемонии партии, а не класса, ибо наша партия в то время была еще по своему составу в очень значительной степени интеллигентской. Но Ленин, ставивший себе задачу осуществления гегемонии партии, понимал, и история это впоследствии вполне подтвердила, что по мере того, как в нашу партию будут вовлекаться рабочие и по мере того, как будет расти ее связь с рабочими массами, ее гегемония превратится в гегемонию пролетариата в русской революции.

Идея гегемонии пролетариата в русской революции была не нова; ее высказывали еще в 90-х годах Плеханов и Аксельрод. Но Ленин в период старой «Искры» впервые стал *ее всерьез* осуществлять. Ленин отдавал себе отчет в том, что наш немногочисленный фабрично-заводский пролетариат один, без союзников, не в силах будет довести русскую революцию до победного конца. Не случайно он еще в своей книге — «Развитие капитализма в России», в отличие от незадолго до того появившейся книги Тугана-Барановского — «Фабрика», доказывал, что русский промышленный капитализм имеет глубокие корни в экономике нашей деревни и что поэтому удельный вес нашего промышленного пролетариата несравненно больший, чем численный процент наших фабрично-заводских рабочих по отношению ко всей массе населения. Ленин в то время, правда, еще не поставил вопроса о союзе пролетариата и крестьянства — этот вопрос он поставил после того, как развернулось аграрное движение в России, но и тогда уже он указывал, что деревенская беднота сможет быть попутчиком пролетариата вплоть до социалистической революции, а зажиточные слои крестьян смогут быть ее союзниками в демократической революции, в борьбе против остатков крепостничества. Кроме того, Ленин в то время еще не отказался от попытки толкнуть и либералов на более решительную борьбу с царским самодержавием (см. его статью — «Гонители земства и Аннибалы либерализма») ¹⁰.

Исходя из этих соображений, Ленин в своей книге «Что делать?» писал: «Социал-демократы должны идти во все классы населения, должны рассылать во все стороны отряды своей армии». «Идти во все классы населения мы должны в качестве теоретиков, и в качестве пропагандистов, и в качестве организаторов». «Мы должны одновременно руководить активной деятельностью разных оппозиционных слоев», «диктовать для них положительную программу действий» и т. д. Но Ленин понимал, что хождение

социал-демократов «во все классы» связано с большими опасностями для революционной социал-демократии, тем более, что ко времени основания «Искры» уже сформировались либеральное и радикальное (эс-эровское) политические движения, которые конкурировали с социал-демократией, которые стремились путем критики марксизма вышибить из рук социал-демократии ее могучее идейное оружие. Поэтому Ленин чем больше он искал союзников для пролетариата, тем более беспощадно боролся против проникновения буржуазной или мелкобуржуазной идеологии в партию, против малейшего проявления оппортунизма внутри социал-демократии, за железную партийную дисциплину и за создание гибкого, но твердого, непоколебимого руководства партией отборным кадром профессиональных революционеров-марксистов. Так Ленин, исходя из необходимости привлечь для пролетариата союзников в революционной борьбе и из обязанности нашей партии играть роль гегемона в революции, пришел к марксистскому пролетарскому якобинизму, который он сформулировал в словах: «Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, — это и есть революционный социал-демократ»¹¹.

Как же т. Троцкий в момент раскола относился к этой основной задаче старой «Искры» — к установлению гегемонии пролетариата в революции? В своей книжке — «Наши политические задачи», вышедшей после раскола, в 1904 году, он писал: «Субъективно “Искра” ставила себе самые широкие цели: прежде всего возвышение стихийного рабочего движения на степень политического и затем руководство — именем пролетариата, “класса-освободителя” — всеми теми, кому дорого имя — свобода (№ 3). Политическая газета, как социал-демократическая, должна была служить светочем революционному пролетариату, как демократическая — путеводной звездой борющейся демократии. Но оказалось, что невозможно на литературном пути достигнуть тех политических эффектов, которые не отвечают соотношению политических сил». Дальше он пишет: «В № 35 в превосходной статье т. Старовера “Искра” отдает себе отчет в происшедших объективных переменах, под влиянием которых сложился ее собственный облик». «Поворот в умах демократии, — говорит Старовер, — совершившийся факт». «Идея пролетариата, руководящего освободительной борьбой, сменяется идеей освобо-

дительной борьбы, в которой пролетариату отведено подчиненное место» («О двуликой демократии») ¹².

Итак, *т. Троцкий в 1904 г. вполне солидаризировался с восходной статьёй Старовера (Потресова), утверждавшей, что задача осуществления гегемонии пролетариата, которую субъективно ставила себе «Искра», потерпела банкротство**. Какая же была *объективная* заслуга старой «Искры»? Ее т. Троцкий так формулирует в своей книжке: «“Искра” сказала: “необходимо размежеваться”, — и она размежевывала и отмежевывала». Но это означает не то, что «Искра» вырабатывала тактические приемы непосредственного политического размежевывания пролетариата и буржуазии — в этом направлении она сделала крайне мало, — нет, она применяла реставрированные «Зарею» марксистские теоретические основы для размежевания принципиальных *сторонников* пролетариата и потенциальных «историков» буржуазии в среде демократической интеллигенции. Эту объективную заслугу «Искры» т. Троцкий признавал в 1904 году. «Но теперь, — говорил он, — нужно сделать шаг вперед. Теперь вопрос формулируется так — какая задача должна составить душу нового периода: дальнейшее ли “размежевание” — теперь уже в ограниченном кругу интеллигенции, объединенной общей программой в социал-демократическую партию, или же выработка методов непосредственного политического отделения пролетариата (а не только его “идеи”) от буржуазии (а не только ее “идеи”)? Мы настаиваем на втором ответе». «Задачей нового периода, — говорит Троцкий, — является развитие политической “самодетельности” пролетариата, задача нового периода в политическом противопоставлении более сознательных слоев пролетариата организациям господствующих классов в самом процессе общеполитической борьбы с царизмом. Именно на этом пути мы можем придать классовый характер нашей политической борьбе».

Итак, с одной стороны, отказ, по меньшей мере на ближайший период, от той задачи, которую *субъективно* поставила себе старая «Искра» — от борьбы за гегемонию социал-демократической партии, с другой стороны, дальнейшее развитие той задачи, ко-

---

* Из статьи Потресова неясно было еще, потерпела ли эта идея банкротство на ближайший период или навсегда. Впоследствии выяснилось, что Потресов похоронил ее навсегда.

торую она *объективно* исполняла, — переход от «размежевания» интеллигенции к размежеванию между самими классами — пролетариатом и буржуазией.

Сопоставляя то, что Троцкий говорил здесь об *объективной* задаче, которую с успехом выполняла старая «Искра», с тем, что он говорил о *субъективной* задаче «Искры», потерпевшей, дескать, крушение, мы должны прийти к следующему заключению: т. Троцкий понимал, что предпринятое старой «Искрой» размежевание между социал-демократами — с одной стороны, социалистами-революционерами и либералами — с другой, *в рядах интеллигенции* было делом неотложным и что это была необходимая предпосылка для дальнейшего размежевания между самим пролетариатом и другими классами — буржуазией и крестьянством. Но он отказывался понимать, что борьба старой «Искры» за гегемонию социал-демократии в прогрессивной интеллигенции была тоже неотложным делом, ибо она была необходимой предпосылкой для будущей гегемонии пролетариата над другими классами.

Скользя по поверхности русской политической жизни, не понимая конкретного соотношения классовых сил в России, не понимая трудностей, стоящих перед русской революцией, не понимая, что русский пролетариат не сможет победить в революции, не привлекая на свою сторону союзников и не руководя ими, Троцкий во всей работе старой «Искры» ценил только одно то, что она усердно отмежевывала социал-демократию от других партий. Но он совершенно не сумел оценить другую, тесно связанную с нею задачу старой «Искры» — завоевать себе, а через то в близком будущем и представляемому ею классу гегемонию в демократическом движении. Эту задачу он при первой же неудаче, сигнализированной Потресовым-Старовером, отбросил в сторону как, в лучшем случае, преждевременную. Но отказаться от борьбы за гегемонию пролетариата значило, хочешь этого или не хочешь, отдать гегемонию в руки либералов, столь ненавистных т. Троцкому, значило скатиться в болото оппортунизма. И «левый» т. Троцкий, ярый либералоед и «межеватель», в это болото скатился.

Во имя развития «самодеятельности» пролетариата и «непосредственного» противопоставления самих рабочих буржуазии он во время и после раскола в указанной книжке заодно со всеми меньшевиками вопит: «Прочь политическое заместительство!»

«Долой казарменную, фабричную дисциплину в партии!» «Долой бюрократический централизм!» «Долой якобинство!». Долой, словом, все то, что для вдохновителя старой «Искры», для Ленина, служило гарантией того, что социал-демократия, «идя во все классы» и зовя их на борьбу, не подчинится идеологии этих классов.

Ленин строил монолитную партию. Меньшевики превращали ее в парламент мнений, и Троцкий это приветствовал. «Меньшинство, — писал он, — завоевало для себя — а так как кампания его велась под принципиальным знаменем, то, значит, и для других оппозиционных течений на предбудущие времена — право гражданства».

Ленин вел беспощадную борьбу с «экономизмом», который принижал задачи партии, отдавая гегемонию в руки либералов. Тов. Троцкий, в указанной брошюре, восстанавливает в правах «экономизм» как законный этап в органическом развитии партии, законный, поскольку «экономисты» непосредственно руководили профессиональной борьбой рабочих масс и субъективно отстаивали интересы рабочего класса: «Если оглянуться назад, — пишет он, — на смену течений и направлений... то источником глубочайшего нравственного и политического удовлетворения должен явиться тот факт, что чередование взаимно отменявших друг друга направлений — в общем и целом — определялось всегда одной и той же верховной контролирующей идеей: социал-демократия сознательно “хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс”». «Первым, в сущности, примером, — говорит он далее, — когда представители нового течения в партии сознательно стремятся утвердиться не на костях, а на плечах своих предшественников, рассматривая в общей перспективе партийного развития, является так называемое меньшинство. И это добрый симптом». Для т. Троцкого смена «экономизма» «искровством», а затем «искровства» «меньшевизмом» есть три последовательные ступени развития партии, причем во всех этих этапах он с «глубочайшим удовлетворением» отмечает одну и ту же верховную контролируемую идею — желание быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс.

Тов. Троцкий свою книжку посвятил «дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду». Павел Борисович Аксельрод, однако, прочитав эту книжку, сказал мне, что он очень недоволен этим посвящением: напрасно, дескать, Троцкий взялся излагать мои

взгляды. И действительно, т. Троцкий, неоднократно ссылаясь в этой книжке на П. Б. Аксельрода как на своего учителя, до крайности обкарнал его взгляды. Тов. Троцкий усвоил из тактических взглядов Аксельрода только необходимость развития «самодеятельности» рабочего класса и «противопоставления рабочих буржуазии на практике, в политических кампаниях». Но этим не исчерпывались взгляды П. Аксельрода. Аксельрод еще в конце 90-х годов доказывал, что одной из главных, основных задач социал-демократии является задача приобретения союзников пролетариатом и осуществление гегемонии пролетариата. В этом смысле Аксельрод был предшественником Ленина. Но П. Б. Аксельрод поставил эту задачу в дореволюционное время, когда никто из социал-демократов еще не говорил даже о республике в России, когда у социал-демократии не было еще политических конкурентов и когда осуществление гегемонии пролетариата соответственно представлялось П. Аксельроду в очень идиллическом виде. Когда же после 1901 года в России запахло революцией и восстанием, когда выступили на сцену либералы «освобожденцы» и эс-эры, изо всех сил старавшиеся оттеснить социал-демократию на задний план, когда задача осуществления гегемонии потребовала ожесточенной идейной войны с этими «друго-врагами», тогда идиллические взгляды П. Б. Аксельрода на гегемонию выродились у него и его учеников-меньшевиков в оппортунистическое соглашательство с либералами, в то время как Ленин, не свертывая революционного знамени, нащупывал и нащупал революционного союзника пролетариата в лице поднимающегося на восстание крестьянства. Таким образом сложились два течения — меньшевистское и большевистское, которые оба имели исторические корни в русской действительности, оба имели историческую почву под ногами, с той разницей, что одно было оппортунистическое и шло на пользу либеральной буржуазии, а другое — революционное, шедшее на пользу пролетариату.

Тов. же Троцкий, усвоивший только одну часть взглядов П. Аксельрода, склонявший во всех падежах слово — пролетариат («самодеятельность пролетариата», «противопоставление пролетариата буржуазии» и т. д.), но игнорировавший вопрос о союзниках пролетариата в борьбе, беззаботно игнорировавший конкретно-историческую обстановку русской революции, те великие трудности, которые ей нужно было преодолеть, и ту желез-

ную организацию, которая нужна была нашей партии, чтобы она была способна их преодолеть, со своей левой фразеологией *повис в воздухе* в самом близком, однако, соседстве с меньшевиками, организационные взгляды которых он всецело разделял. Полное совпадение организационных взглядов меньшевиков и т. Троцкого, несмотря на его относительно большую «левизну», нас несколько не должно удивлять: «левый» т. Троцкий отвергал ленинский «организационный план», потому что он *не видел* трудностей революции. Трезвые меньшевики отвергали «организационный план» Ленина потому, что та *скромная революция*, которую они собирались сделать, действительно не наталкивалась на большие трудности.

* * *

В 1904 году, когда в революционном движении произошла заминка, «левизна» т. Троцкого, как мы видели, была на ущербе. После 9 января 1905 года, когда наступил бурный период русской революции, «левизна» т. Троцкого достигла зенита. В 1904 году он назвал «превосходной» статью Старовера, констатировавшего «как совершившийся факт», что в освободительной борьбе пролетариату отведено «подчиненное место». В 1905 году он говорил, что пролетариат *один* придет к власти в настоящей революции. Однако если мы ближе присмотримся к тому, в чем выражалась его «левизна» в 1905 году, то мы найдем тесную преемственную связь между его новыми и старыми взглядами.

В 1905 году тов. Троцкий занял видное место в революционном движении на двояком основании — как один из авторов теории «перманентной революции» и как активный деятель в Петербургском совете рабочих депутатов.

Деятельность т. Троцкого в Петербургском Совете рабочих депутатов была одним из славных эпизодов его революционной карьеры. Этот эпизод, однако, ни в какой связи не стоял с его специфическими взглядами — с «троцкизмом». Те 50 дней, которые история отмерила Петербургскому Совету рабочих депутатов, были слишком недостаточным сроком, чтобы в нем могли выявиться какие-нибудь политические разногласия. Петербургский Совет вырос из стихийного подъема петербургских рабочих, из величайшей октябрьской забастовки. Задачи, которые, он себе ставил, не выходили за пределы нашей демократической программы-ми-

нимум. Эти задачи заключались в борьбе за ниспровержение царского самодержавия, за 8-часовой рабочий день, за свободу печати и т. д. Тактика Петербургского Совета неумолимо диктовалась условиями момента, необходимостью с величайшей поспешностью организовывать оборону против наступления контрреволюции в лице «черной сотни», маневрировать против союза царского самодержавия с капиталом, выразившегося в локаутах после ноябрьской забастовки, поспешно привлекать на свою сторону армию путем забастовки сочувствия кронштадским матросам, которым угрожал военно-полевой суд и т. д. Ни меньшевики, ни большевики, ни эс-эры, имевшие своих официальных представителей в Исполкоме, не обнаруживали никаких разногласий по вопросам тактики Совета, ибо эта тактика прямо навязывалась ему боевым настроением рабочих, с одной стороны, и быстро надвигавшейся развязкой — с другой. Хрусталева, который председательствовал в Совете в течение 43 дней, до своего ареста, так формулировал скромную роль руководителей Совета: «Политическая мысль рабочего класса, попадая с низов в советскую лабораторию, отшлифовывалась, оформлялась и в законченном виде возвращалась в рабочие кварталы». Тов. Троцкий, который вступил в президиум Исполкома после ареста Хрусталева, по-своему характеризовал скромную, преимущественно агитаторскую роль вождей петербургских рабочих в то время: «Мы были и остаемся барабанщиками и трубачами великого класса. Мы гордились его первыми шагами. Мы никогда не сомневались в нем. Мы не покидали его в минуты бедствия»¹³...

Свое политическое лицо, свое *политическое направление* т. Троцкий в то время выявил не в Совете, а в литературе, где он неоднократно развивал свою теорию «перманентной революции», и именно эта теория была характерна и остается поныне характерной для политической физиономии т. Троцкого. Настоящим автором этой теории, собственно, был не Троцкий, а Парвус. Но было бы большой несправедливостью утверждать, что тов. Троцкий из импрессионизма усвоил эту теорию. Отнюдь нет. Поскольку в основе этой теории лежало убеждение в возможности и необходимости изолированного прихода к власти пролетариата без союзников, она, как мы уже видели, находилась в преемственной связи со взглядами тов. Троцкого в 1903–1904 годах, когда он также игнорировал роль союзников пролетариата в ходе революции.

Теория перманентной революции уже неоднократно излагалась на страницах нашей печати! Мы, тем не менее, позволим себе еще раз подробно изложить ее в развернутом виде на основании многочисленных высказываний тов. Троцкого.

Тов. Троцкий, во-первых, в споре с меньшевиками доказывал и, надо сказать, с полным основанием, что их надежды на активную революционную роль нашей *городской* буржуазной демократии совершенно тщетны, ибо Россия в своем экономическом развитии по сравнению с Западной Европой перескочила через целый большой этап — мануфактурного периода и соответственно этому лишена того мощного экономического слоя ремесленников, который в свое время играл такую крупную революционную роль на Западе, не говоря уже о том, что городская буржуазная демократия нигде вообще не может уже играть теперь прежней революционной роли при наличии могильщика капитализма — фабрично-заводского пролетариата. Тов. Троцкий далее доказывал в споре с большевиками, и на этот раз неосновательно, что и крестьянство не может играть значительной революционной роли в России. Тов. Троцкий не отрицал, конечно, что пролетариат сможет опереться в своей борьбе на стихийное движение крестьян, *но лишь на первом этапе революции и лишь постольку, поскольку крестьянское движение остается стихийным, классово неосозанным*. «Пролетариат у власти, — писал он, — предстанет перед крестьянством как класс освободитель... Русское крестьянство будет, во всяком случае, не меньше заинтересовано в течение первого наиболее трудного периода в поддержании пролетарского режима (“рабочая демократия”), чем французское крестьянство было заинтересовано в поддержании военного режима Наполеона Бонапарта, гарантировавшего новым собственникам силу штыков неприкосновенность их земельных участков»¹⁴. Но «если отсутствие сложившихся буржуазно-индивидуалистических традиций и антипролетарских предрассудков у крестьянства и интеллигенции и поможет пролетариату стать у власти, то, с другой стороны, нужно принять во внимание, что *это отсутствие предрассудков опирается не на политическое сознание, а на политическое варварство, на социальную неоформленность, примитивность, бесхарактерность*. А все это такие свойства и черты, которые никоим образом не могут создать надежного базиса для последовательной активной политики пролетариата»¹⁵. Еще ярче это чисто стихийное значение крестьян-

ского движения для революции, которое тем больше будет падать, чем больше будет расти политическая классовая сознательность различных групп крестьянства, формулировал единомышленник т. Троцкого — Парвус в газете «Начало» в редакционной статье — «Наши задачи», им написанной: «Победа революции подвигает на политическую сцену крестьянство. Оно способствовало революции, умножая политическую анархию, но не было в состоянии концентрировать свою политическую борьбу. Теперь оно внесет в борьбу партии всю путаницу своих экономических требований и экономических невозможностей. Капиталистический строй не в состоянии разрешить крестьянский вопрос».

При таких условиях победоносная революция в России может вынести к власти только пролетариат и больше никого: «Русская революция, — говорил т. Троцкий, — создает, на наш взгляд, такие условия, при которых власть может (при победе революции — *должна*) перейти в руки пролетариата, прежде чем политики буржуазного либерализма получат возможность в полном виде развернуть свой государственный гений».

Но пролетариат, придя к власти, не может политически себя «самоограничить» и вынужден будет логикой создавшегося положения «стереть грань между нашей программой-минимум и программой-максимум», ибо «политическое господство пролетариата несовместимо с его экономическим рабством». Уже одна борьба за 8-часовой рабочий день и против безработицы вызовут локауты со стороны капиталистов и заставят рабочих взять в свои руки фабрики и заводы. На тот же социалистический путь пролетариат должен будет выступить при решении аграрного вопроса: «Пролетариат никоим образом не сможет принять к руководству программу “уравнительного распределения”, которое, с одной стороны, предполагает бесцельную, чисто формальную экспроприацию мелких собственников, с другой стороны, требует вполне реального раздробления крупных имений на мелкие части. Такая политика, будучи непосредственно хозяйственно расточительной, имела бы в своей основе реакционно-утопическую заднюю мысль и сверх всего политически ослабила бы революционную партию». «Разумеется, вмешательство пролетариата в организацию сельского хозяйства начнется не с прикрепления работников к разрозненным клочкам земли, а с эксплуатации крупных имений за государственный или коммунальный счет».

К чему же приведет эта социалистическая политика пролетариата? На это т. Троцкий отвечает: «Пролетариат... взявши в руки власть... придет во враждебное столкновение не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства, в отсталой стране с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе». «Как далеко может зайти социалистическая политика рабочего класса при хозяйственных условиях в России? Можно одно сказать с уверенностью: она натолкнется на политические препятствия гораздо раньше, чем упрется в техническую отсталость страны. Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни одной минуты. Но, с другой стороны, нельзя сомневаться в том, что социалистическая революция на Западе позволит нам непосредственно и прямо превратить временное господство рабочего класса в социалистическую диктатуру»¹⁶. Такова в развернутом виде теория перманентной или непрерывной революции т. Троцкого.

С внешней стороны эта теория была очень левая, более левая, чем «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», которую в 1905 году выдвинули большевики. Но странным образом оказалось, как читатель сейчас увидит, что как раз правое крыло социал-демократии — меньшевики в 1905 году наиболее близко подошли к этой самой теории. Меньшевики в своих предпосылках расходились с т. Троцким только в одном пункте: они верили, или, точнее, хотели верить, уговаривали себя, что *городская* буржуазная демократия сможет сыграть в России роль движущей силы революции. Поэтому они рассчитывали, что русская революция сможет, подобно Великой французской, подыматься «со ступеньки на ступеньку», выдвигая к власти сначала либералов, потом радикалов. Меньшевики в своих предпосылках расходились с т. Троцким только в оценке революционных возможностей нашей *городской* буржуазной демократии. Во всем остальном меньшевики с самого начала стояли на той же точке зрения, что и т. Троцкий: они также оценивали крестьян как чисто стихийную революци-

онную силу, они также считали, что экономические вождедения крестьян — социализация земли — имеют *только* экономически реакционное значение, они также считали, что если бы пролетариат очутился у власти, он *вынужден* был бы идти к социализму и что если бы такая революция ограничилась *национальными* рамками, это при хозяйственной отсталости России привело бы к банкротству социал-демократии: об этом я писал еще в «Двух диктатурах», в книжке, которая некоторым образом стала credo меньшевизма. Большевики в своей исходной точке расходились с т. Троцким только в одном, хотя и очень важном, вопросе — в оценке революционных возможностей русской городской буржуазной демократии. Но сколько меньшевики ни заклинали эту городскую буржуазную демократию, она упорно отказалось играть хоть сколько-нибудь заметную революционную роль. Поэтому меньшевики уже на своей «общерусской конференции» 1905 г. «на худой конец» оставили себе лазейку в «перманентной революции».

В резолюции, принятой этой конференцией, мы читаем: «Только в одном случае социал-демократия по своей инициативе должна была бы направить свои усилия к тому, чтобы овладеть властью и по возможности дольше удержать ее в своих руках — именно в том случае, если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Европы, в которых достигли уже известной зрелости условия для осуществления социализма. В этом случае ограниченные исторические пределы русской революции могут значительно раздвинуться и явится возможность выступить на путь социалистического преобразования». Тут в меньшевистской резолюции говорится еще чрезвычайно осторожно о перманентной революции как возможной лишь в одном исключительном случае.

Когда же революционная волна поднялась высоко, после октябрьской забастовки в «дни свободы», меньшевики заговорили об этом гораздо смелее. Не случайно не только я и Мартов, но и такие правые меньшевики, как Потресов и Е. Смирнов¹⁷, могли в то время хорошо ужиться в одной редакции «Начала» с Парвусом и Троцким, в то время как попытка объединения с большевиками и создания общего органа лопнула при первом же опыте редактирования первого номера. Даже оригинальное предложение — разделить газету вертикальной чертой с тем, чтобы на одной полоске писали большевики, а на другой — меньшевики, не сдвинуло воза

с места. С Троцким же и с Парвусом в редакции «Начала» у нас никаких трений не было. Меньшевики даже согласились, чтобы Парвус написал для первого номера газеты редакционную статью, формулирующую платформу меньшевистского органа, и в этой редакционной статье «Наши задачи» Парвус, хотя и в сдержанных тонах, излагал теорию перманентной революции. В этой статье мы читаем: «Непосредственная революционная цель пролетариата в России — осуществление такого государственного строя, при котором были бы обеспечены требования *рабочей демократии*. Рабочая демократия включает в себе самые крайние требования буржуазной демократии, но придает некоторым из них особый характер и присоединяет новые, чисто пролетарские... Наша задача — расширить экономические требования крестьянства, ведя его на путь социалистического переворота... Дальнейшие революционные успехи российского пролетариата на пути к осуществлению рабочей демократии, которые будут уже успехами всемирного пролетариата, могут дать толчок к решительной борьбе между социально-революционными организациями пролетариата и государственной властью в Западной Европе... Тогда мы будем стоять перед задачей расширить нашу революционную программу за пределы рабочей демократии».

Но о перманентной революции в «Начале» писал не только Парвус, о ней писал в этой газете и я в номере 7-м и 11-м в редакционных статьях, озаглавленных «Крестьянский вопрос и революция». Происхождение этих статей было следующее: на митинге в здании Вольно-экономического общества мне пришлось вступить в полемику с эс-эрами — с Бунаковым¹⁸ и, если память мне не изменяет, с Черновым. Они критиковали социал-демократию за то, что она не смеет выйти за рамки буржуазной революции, и противопоставляли нашей программе свою программу «социализации земли». Эту программу я, как и все меньшевики, считал абсолютно неприемлемой как экономически реакционную, ведущую к переходу от крупного хозяйства к мелкому. Чтобы обойти слева эс-эров, чтобы парализовать впечатление их демагогических речей, я открыл перед аудиторией другую перспективу — не социализации земли, а настоящего социализма в условиях развития перманентной революции.

Эти свои взгляды я изложил вскоре в упомянутых двух статьях. Там я писал: «Вполне возможно, что при известной длительности

гражданской войны наша революция, начавшись как революция демократическая, закончится как революция социалистическая. С этой возможностью мы должны непременно считаться... Вульгарно понимающие марксизм против этого взгляда обыкновенно возражают: характер революции определяется степенью развития производительных сил; у нас *технически* невозможна в близком будущем социалистическая революция, потому что у нас не созрели для этого достаточно производительные силы страны... Но нужно помнить, что развитие классовой борьбы происходит гораздо более конвульсивно, что оно подвержено в гораздо большей степени тому, что мы называем элементом “случайности”, чем развитие производительных сил. Как быстро классовые противоречия могут развиваться в эпоху революции, как быстро общество может пройти разные этапы своего политического развития, лучше всего показывает история французской революции. Нужно помнить также, в какой международной обстановке совершается наша революция».

В заключении своей второй статьи в № 11 «Начала» я писал: «Одна лишь “узкая” и “нетерпимая” социал-демократия решительно отвергает возможность смягчения классовых противоречий в рамках буржуазного общества. Она одна в настоящее время смело выставляет лозунг — непрерывная революция, она одна приведет трудящиеся массы к последней и решительной победе». Так писал в то время я — твердокаменный меньшевик, нисколько не вступая в коллизию со своей меньшевистской совестью! Это казалось очень «левым», и, если не ошибаюсь, т. Луначарский по поводу этих статей шутил: «Начало помчало». Теперь для меня совершенно ясно, что эта «левизна» была мнимая величина.

Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить теорию перманентной революции с тогдашней большевистской концепцией революции.

Тов. Троцкий ставил успех русской революции в полную зависимость от победы социалистической революции на Западе. Русская революция, говорил он, собственными силами в *национальном масштабе* победить не сможет, ибо у нее будет мужицкая контрреволюция за спиной и европейская реакция перед собой, но, с другой стороны, «нельзя сомневаться», что социалистическая революция на Западе явится к нам на выручку. Тов. Троцкий, таким образом, строил все свои расчеты на вере в утешительную перспективу западно-европейской революции.

Ленин в то время тоже писал: «Мы сделаем из русской политической революции пролог европейского социалистического переворота»¹⁹. Но, во-первых, по мнению Ленина, «мы сделаем» это, когда *собственными силами* победим и *продержимся* и когда «при условиях революционно-демократической диктатуры мы мобилизуем десятки миллионов городской и деревенской бедноты». Во-вторых, Ленин считался и с другой возможностью. Столь же возможным он считал, что после нашей победы наступит контрреволюция, которая, однако, тем меньше сможет реставрировать старый строй, чем основательнее мы выметем в России весь наш феодально-крепостнический мусор. Тов. Троцкий больше надеялся на историческую *неизбежность*, Ленин — на партийную *активность*. Неосновательность утверждения т. Троцкого, что русская победоносная (но, по собственному его мнению, внутренне бессильная) революция *неизбежно* должна была бы вызвать социалистическую революцию на Западе, в настоящее время в достаточной мере доказана историей. Даже Октябрьская победа 1917 года, одержанная союзом пролетариата и многомиллионного крестьянства, одержанная в обстановке развала капитализма после мировой войны, еще пока не вызвала победоносной революции на Западе. Даже в современных условиях западно-европейская социалистическая революция рождается в великих муках. Революция же 1905 года вызвала сильные революционные-отклики, как известно, только на Востоке — в Персии, Турции и Китае.

Тов. Троцкий мечтал о том, что будет *после победы* русской революции. Ленина больше занимал вопрос, *как добиться этой победы*. Положение в 1905 году было трудное. Пролетариат очень быстро революционизировался, в частности, петербургский пролетариат от 9 января до Октября как будто политически переродился. Но резервы не поспевали. Крестьянское движение, правда, ширилось и принимало острые формы, но оно в течение 1905 года носило характер политически неосмысленных, чисто аграрных восстаний. Как известно, революция 1905 года потерпела поражение именно потому, что крестьянство не поспело за пролетариатом, потому что оно стало политически самоопределяться только в период Государственной думы, когда пролетарский авангард в Петербурге и Москве уже был разбит.

Как же т. Троцкий относился к этой политической ситуации в 1905 году? Он опять-таки истолковывал ее в утешительном

смысле. Он говорил, что пролетариат придет к власти, опираясь на стихийное движение крестьянства, которое именно благодаря своей малосознательности, благодаря своему «политическому варварству» еще лишено «анти-пролетарских предрассудков». Как будто достаточно, чтобы крестьянство не имело *анти-пролетарских* предрассудков для того, чтобы крестьянская армия отказалась расстреливать рабочих и удушать революцию. Как будто крестьянская армия не могла расстреливать и не расстреливала рабочих в 1905 году из слишком медленно изживаемых крестьянством *монархических анти-демократических* предрассудков! Тов. Троцкий так беззаботно относился к задаче освобождения крестьян от монархической идеологии, к задаче активного привлечения крестьян на сторону *демократической* революции, что задолго до победы *этой* революции выкидывал флаг *социалистической*, несмотря на то, что он сам утверждал, что призрак социализма оттолкнет крестьянство от революции. «Вера» в революцию служила ему заменой целесообразной тактики для ее приближения. Если б наша партия исповедовала «троцкистскую веру», она ближайшим путем пришла бы к поражению.

А как оценивал Ленин положение в 1905 году? Он не утешал себя начертанием приятных перспектив, он ни на минуту не скрывал от себя и от партии, что положение трудное. На III съезде партии, летом 1905 года, Ленин говорил: «Можно подумать, что дела социал-демократов обстоят великолепно и вероятность их участия во временном революционном правительстве очень велика. На самом деле это не так. Обсуждать этот вопрос (об участии во временном революционном правительстве) с точки зрения ближайшего практического осуществления было бы дон-кихотством»²⁰.

И тем не менее Ленин на том же съезде, и даже накануне его, выдвинул и со свойственной ему страстью защищал лозунг «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Почему же он так поступил? Потому, что он питал огромное доверие к *своей партии*, к ее способности в пределах исторически возможного изменить соотношение сил в сторону, благоприятную для революции. Он не опьянял и не усыплял себя радужными мечтами, а с холодной головой оценивал ситуацию и твердой рукой принимался за *выравнивание* линии развития революции. Это была всегдашняя ленинская метода. Я помню его первую речь в Смольном в 1917 году, после выхода из подполья, в день взятия

власти: «Ну, вот мы берем власть, — говорил он, — умеем ли мы управлять государством? Не умеем. Умеем ли мы управлять хозяйством? Нет, не умеем. Но мы на-учим-ся!». Этой же методы он держался и в 1905 году.

На основании анализа экономики России и характера нашего крестьянского движения Ленин пришел к заключению, что «аграрный вопрос составляет основу буржуазной революции в России и обуславливает собой национальные особенности этой революции»²¹. Но он не утешал себя тем, что этот аграрный вопрос может решиться только путем революции. Нисколько. Аграрный вопрос, говорил он, может быть решен двумя путями: либо «прусским» путем, путем реформы, если буржуазии удастся совершить сделку с царизмом, либо «американским» путем, путем аграрной революции, которая приведет к национализации всей земли. Либералы стремятся к решению вопроса первым путем. Крестьянство же и их идеологи — народники, эс-эры — хотят идти по второму пути. Поэтому, чтобы привязать крестьян к нашей революции, мы должны помочь им пойти по этому второму пути. Мы должны требовать учреждения сословных крестьянских комитетов, которые по-диктаторски, «по-плебейски» расправились бы с остатками крепостничества и полицейскими порядками; мы должны поддержать аграрные требования народников, не смущаясь той утопической оболочкой, которой они облечены, беря в идею «социализации», «уравнительности землепользования» то, что в ней есть революционного, пользуясь ею для того, чтобы направить крестьян на борьбу с феодальным крепостническим неравенством. Мы должны выдвинуть лозунг «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», помогая крестьянству подняться к власти для того, чтобы оно, стоя у власти, совместно с пролетариатом раздавило помещичье-капиталистическую контрреволюцию. Таким образом, Ленин стремился, ухватившись за туманные, политически неосознанные требования крестьян, осмыслить их, изменить соотношение сил в России, подтянуть и подтолкнуть крестьянство и привлечь его к сознательному участию в демократической революции.

Что *направление*, взятое большевиками в 1905 году, было правильное, что они верно поняли, в чем главный рычаг нашей революции, на который нужно нажимать, подтвердилось позже, во время первой и второй Государственной думы. Несмотря на то,

что меньшевики все время боролись против большевистской политики рабоче-крестьянского левого блока, блока между социал-демократами и эс-эрами, несмотря на то, что меньшевики более склонны были поддерживать либералов как представителей «экономически прогрессивной буржуазии», меньшевистские депутаты во второй Государственной думе — Церетели и Джапаридзе²² — в печати публично сознались, что им в Думе приходилось гораздо чаще блокироваться с трудовиками, чем с кадетами, ибо в большинстве случаев выходило, что не кадеты, а трудовики поддерживали демократические требования социал-демократии. Повторяю, факты подтвердили правильность *направления* большевиков, но рабоче-крестьянский блок стал укрепляться, к сожалению, слишком поздно, уже после того, как главные силы пролетариата были разбиты.

Тов. Троцкий обосновывал невозможность осуществления «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» тем, что после победы революции *неизбежно* возникнут непримиримые противоречия между крестьянством и пролетариатом, ибо наш пролетариат самой логикой борьбы *вынужден* будет идти к социализму, а мелкобуржуазное крестьянство против этого неизбежно будет бороться. На эти же затруднения, связанные с осуществлением демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, указывал Ленину не только Троцкий, но указывали и все меньшевики. Ленин на это отвечал: «Нас пугают победой. Нам говорят, что мы не смеем победить. Но нужно быть величайшим филистером и пошляком, чтобы отказываться от решительной победы только потому, что она принесет нам новые затруднения!». Впоследствии Ленин по этому поводу говорил: «Я в своей жизни придерживался правила Наполеона: — “On s’engage et puis on voit” (“Сначала ввяжемся в драку, а потом видно будет”)». Но верно ли вообще, что, если бы у нас в 1905 году осуществилась «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», мы стояли бы перед *непреодолимыми* затруднениями, как это утверждал т. Троцкий и другие меньшевики (я в том числе)? Теперь история этот вопрос уже разрешила и разрешила не в пользу Троцкого, а в пользу Ленина. Троцкий говорил, что пролетариат, придя к власти, неизбежно, уже по самой логике борьбы, должен был бы приступить к осуществлению социализма. Очень жаль, что германский пролетариат, пришедший к власти в 1918 году, ни малейшей

охоты не имел подчиниться этому закону, формулированному т. Троцким. Я не хочу этим сказать, что и русский пролетариат в 1905 году проявил бы такое же чрезмерное «самоограничение», как германский — в 1918 году. Условия у нас не те. Но что он мог бы при достигнутой степени политической сознательности, при хорошей большевистской школе и при правильном руководстве со стороны авангарда избегать и избегнуть мер, которые вызвали бы непосредственный конфликт между ним и крестьянством, это весьма вероятно. С другой стороны, как показал семилетний опыт нашей Советской Республики, и крестьянство может при умелой политике правительства (а Ленин ни на минуту не отказывался от гегемонии социал-демократии в правительстве и при режиме *демократической* диктатуры пролетариата и крестьянства) не порывать с пролетариатом даже тогда, когда он непосредственно приступил к социалистическому строительству.

Вся эта тактика большевизма предполагала огромную инициативу со стороны большевистской партии, величайшую ее активность, умение в каждый момент, при каждом политическом повороте, вмешаться в стихийный исторический процесс, чтобы изменить в пользу революции соотношение классовых сил. Чтобы довести революцию 1905 года до победного конца по ленинскому пути, большевистская партия должна была углубить раскол между крестьянством и либеральным буржуазно-помещичьим блоком, должна была раздуть крестьянское движение до размеров «плебейского» восстания, должна была подтянуть крестьян и привлечь их на сторону революционной борьбы пролетариата, выяснить крестьянам связь между их аграрными требованиями и политическими требованиями пролетариата, должна была зорко следить, чтобы пролетариат и его партия не делали ни одного шага, который мог бы оттолкнуть крестьян, должна была побуждать пролетарскую партию идти навстречу не только «рассудку» крестьян, но и «предрассудкам» их (например, уравнительному землепользованию), если это может служить на пользу революции, должна была после победы революции установить режим революционной диктатуры для подавления сопротивления контрреволюционных сил. Для того, чтобы выполнить такую колоссальную задачу, партия должна была быть проникнута якобинским духом, должна была сочетать тонкий марксистский анализ и марксистскую революционную диалектику с якобинизмом, свойственным

великой народной революции. Для того, чтобы выполнить эту задачу, большевистская партия должна была быть строго централизованной и сохранять железную дисциплину. Но об этом ни большевики, ни их вождь Ленин ни на минуту не забывали. Эти организационные принципы большевизма были для Ленина началом всех начал. Еще в 1904 году, когда я в первый раз познакомился с Лениным и когда из беседы выяснилось, что мы в политических вопросах во всем сходимся²³ и что я расхожусь с ним только в вопросе об организации партии, он мне сказал: «Ну, вот вы во всем согласны со мной. Вы отрицаете только наш организационный план, а в этом вся суть; значит, нам не о чем больше разговаривать».

Каков же был «организационный план» т. Троцкого, каковы были его взгляды на организационную дисциплину, «свободу мнений» и свободу группировок, на централизм и «демократизм», на якобинизм и т. д. в то время, в 1905 году, когда он был в зените своей «левизны», когда он развивал свою теорию перманентной революции, когда он взял прямой курс на социализм в отличие от обеих фракций Российской соц.-демократической партии? Ответ на этот вопрос дан уже тем, что т. Троцкий находился в то время в меньшевистской фракции и в редакции меньшевистского центрального органа, что он в этом органе — «Начало» выдвигал лозунг — «Единство во что бы то ни стало» (т. е. единство большевиков с меньшевиками). Ответ на этот вопрос дан тем, что т. Троцкий в 1905–1907 годах расценивал якобинцев Великой французской революции и их эпигонов совершенно так же, как он их расценивал в 1903–1904 годах в своей книжке «Наши политические задачи». В 1906 году т. Троцкий писал в своей статье — «Итоги и перспективы»: «Мы, мировая армия коммунизма, давно уже свели исторические счета с якобинством. Все нынешнее международное пролетарское движение сложилось и окрепло в борьбе с преданиями якобинизма. Мы подвергли его теоретической критике, вскрыли его историческую ограниченность, его общественную противоречивость, его утопизм, разоблачили его фразеологию, мы порвали с его традициями, которые на протяжении десятилетий казались священным наследием революции. Но против нападков, клевет и бессмысленных надругательств бескровного флегматического либерализма мы возьмем якобинцев под свою защиту».

Теперь, я думаю, нетрудно понять, что именно т. Троцкого в 1905 году, несмотря на его «левизну», связывало с меньшевиками. Тов. Троцкий «планировал», рисовал себе радужные революционные перспективы; он *не сомневался*, что русская революция вызовет социалистическую революцию на Западе, что русский пролетариат сможет, опираясь на несознательное движение крестьян, прийти к власти, он славословил пролетариат, он гордился его первыми шагами, он охотно и умело выполнял роль «барабанщика и трубача великого класса», и он, я не сомневаюсь, столь же охотно, жизнь бы свою отдал за этот класс на своем посту «трубача». Но в то время высшего подъема революции и меньшевики чистой воды, не троцкисты, тоже проявляли подчас большую *стихийную* революционность. Ведь в то время и меньшевики устраивали восстания в Грузии, в Севастополе, на «Потемкине» и т. д. Но перед партией стояли более сложные, более трудные задачи, задачи акушера революции при трудных родах. Чтобы выполнять эти задачи, нужно было не только умение увлекаться и импровизировать, а умение с холодной головой, без всякого романтизма расценивать ситуацию, умение делать в каждый момент правильный учет классовых сил, умение нащупывать все слабые, уязвимые места революции, умение привлекать на сторону пролетариата надежных союзников — в данной исторической ситуации — крестьянство, — умение не только критиковать буржуазию, но стоять на страже партии, беспощадно бороться против малейшего проникновения буржуазной идеологии в нашу собственную партию, умение железной метлой выметать из нее малейшие следы оппортунизма и «соглашательства».

Чтобы выполнять эти трудные задачи, необходимо было иметь монолитную партию, с централизованной и строго координированной работой всех организаций, с сильным и властным центром, с железной дисциплиной, с готовностью всех членов партии себя самоограничивать в интересах целого.

Но все эти тактические и организационные методы большевизма были почти так же чужды т. Троцкому, стоявшему на крайне левом фланге меньшевизма, как и всем меньшевикам. Поэтому т. Троцкий, который по своей беспочвенности, по своему романтизму не был способен, несмотря на все его яркие таланты, создать собственную партию или хотя бы сильную фракцию и неизменно терпел крушение во всех своих попытках это сделать, шел

с меньшевиками во время революционного подъема и не покидал их во время революционного упадка в качестве левого спутника.

Когда после поражения революции 1905 года Череванин²⁴ выпустил свою на шумевшую ликвидаторскую книжку²⁵, полную обвинений против партии, и не только против партии, но и против рабочего класса «за их революционные иллюзии», которые, дескать, погубили русскую революцию, т. Троцкий обрушился на него со всей страстностью в защиту левой тактики 1905 года. Череваниным, однако, возмущался не только т. Троцкий, за него краснели в то время и мы, меньшевики-центровики, и молчали из фракционной дипломатии.

Но время шло. Вместе с тем появлялись «новые птицы и новые песни». Проходил год за годом, и ожидавшаяся нами вторая волна революции все не подымалась. Большевики в это трудное время сумели терпеливо ждать, охраняя свои основные кадры и охраняя революционные лозунги, несмотря на то, что они не находили себе отклика в массах. А т. Троцкий? В 1912 году, когда, после ленинских событий, уже намечался новый подъем рабочего движения, т. Троцкий, так красноречиво обличавший в 1908 году ликвидатора Череванина, в статье «Пролетариат и русская революция (о меньшевистской теории русской революции)» вновь пошел в Каноссу, вновь протянул руку меньшевикам и приобщился к «ликвидаторскому» движению, выставив ликвидаторский лозунг петиционной кампании в Государственную думу и взяв на себя инициативу организации т. н. «августовского блока», в котором первую скрипку играли петербургские ликвидаторы, объявившие, что наша старая подпольная партия сгнила на корню и что ее смрадный труп лишь отравляет воздух, которым дышит социал-демократия.

* * *

Новый поворот налево т. Троцкий делает, когда начинается мировая война; но и на этом повороте т. Троцкий остается в ближайшем соседстве с меньшевиками, на их крайнем левом фланге, и это опять, как мы увидим, не случайно.

Война и неслыханное предательство II Интернационала вызвали разброд среди русских меньшевиков. Большинство их стало социал-патриотами, на левом же крыле их сложилась группа «меньшевиков-интернационалистов» (Мартов, Мартынов, Астров, Семковский). Меньшевики-интернационалисты говорили, что

война откроет новую эпоху — эпоху социалистических революций, что мы должны выкинуть общий лозунг — «Долой войну! Да здравствует революция!» Наши ближайшие требования должны быть — «ни победы, ни поражения, а восстановлений *status quo ante*²⁶: когда государства останутся при старом разбитом корыте, тогда-то и начнется революция, — говорили мы.

Тов. Троцкий был согласен с этими положениями, кроме последнего. Тут он шел дальше меньшевиков-интернационалистов. После войны, говорил он, невозможно уже будет восстановить старые государственные границы, основанные на старых аннексиях. Мир заключит революционный пролетариат, сметай старые границы.

Тов. Троцкий, как мы видим, рисовал более революционные перспективы, чем меньшевики-интернационалисты. Но важно было не только рисовать революционные перспективы. Важно было ответить на вопрос: Что же делать? Как развязать революцию? Как разбить создавшийся заколдованный круг? Как толкнуть на революционный путь пролетариат, который в каждой стране боялся начинать, чтобы не вызвать военного разгрома своего отечества?

На этот вопрос Ленин дал смелый и гениальный по своей дальновидности ответ: «Революция во время войны есть гражданская война, а превращение войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами (“поражением”), а с другой стороны, — невозможно не стремиться к такому превращению, не содействуя таким образом поражению». «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству». Смысл лозунга Ленина был таков: Революция не может начаться *одновременно* во всех воюющих странах. Она начнется там, где сопротивление буржуазии слабее. В таком положении находится Россия, и потому именно мы, русские, должны начать революцию, говорил он. Это непосредственно приведет к нашему военному поражению; но мы не должны этим смущаться; мы, напротив, сами должны желать поражения своему правительству, зная, что этим дело не кончится, что это отнюдь не будет означать *окончательную* победу государства, ведущего войну с нашим правительством, ибо победоносная революция, начавшаяся в стране побежденной, не остановится перед границами страны-победительницы.

Аналогичное решение Ленин давал национальному (и колониальному) вопросу: «Вы боитесь, что наше военное поражение при-

ведет к распаду великой России, к отделению от нее Финляндии, Польши, Украины и т. д.? Мы этого не должны бояться. Мы сами должны требовать их права на отделение, мы сами должны порвать цепи, которыми их приковали к Великороссии. — Но это приведет к экономическому регрессу и расщеплению нашей российской пролетарской армии? — Нисколько: после того, как национально угнетенные народы будут освобождены, их пролетарские отряды будут экономически заинтересованы, чтобы вновь собрать разорванные части, но уже в *добровольный* союз и на новых началах».

Так решал трудный вопрос развязывания революции в обстановке войны Ленин. Нащупав самое уязвимое место революции (боязнь, что она откроет фронт неприятелю), он взял быка за рога, и мы знаем теперь, что это решение проблемы, данное Лениным еще в 1915 году, нашло себе впоследствии блестящее подтверждение в ходе русской революции.

А как относился к этим «пораженческим» лозунгам Ленина т. Троцкий? Желание поражения России, писал он, есть «ничем не вызываемая и ничем не оправдываемая *уступка политической методологии социал-патриотизма*, который революционную борьбу против войны и условий ее породивших подменяет крайне произвольной в данных условиях ориентацией по линии наименьшего зла». Тов. Троцкий истолковывал «желание поражения России» как «желание победы Германии», как социал-патриотизм наизнанку. Он видел в этом лозунге лишь искание линии «наименьшего зла», а не линии «наибольшего блага»... для революции, кратчайшего пути к революции и притом революции мировой.

Чтобы дать пролетариям всех европейских стран импульс к *единовременной* революции, исключаящей хотя бы временную победу одной коалиции и поражение другой, т. Троцкий прикинул в противовес как социал-патриотическим, так и пораженческому лозунгам — лозунг образования «Соединенных Штатов Европы», который он экономически обосновывал тем, что европейский капитализм в империалистическую эпоху уже перерос национальные рамки.

На первый взгляд этот лозунг был такой же ультралевый, такой же радикальный, как его лозунг «перманентной революции» 1905 году. В самом деле: что может быть радикальнее перспективы единовременного уничтожения всех государственных границ Европы? Ленин, однако, ясно доказал в своем споре с т. Троцким,

что его лозунг есть только революционная фраза, отвлекающая внимание от действительно революционного решения самой трудной задачи в условиях войны, отвлекающей внимание от «последовательного призыва к революционным действиям против *своего* правительства во время войны», без чего «миллионы революционных фраз... не стоят ломаного гроша».

В самом деле, что означал лозунг т. Троцкого? Если имеются в виду Соединенные Штаты Европы *еще при капитализме*, то этот лозунг, говорил Ленин, либо неосуществим, либо реакционен: «Соединенные Штаты Европы при капитализме равняются соглашению о дележе колоний. Но при капитализме... невозможен иной принцип дележа, кроме силы... Нельзя делить иначе, как... “по капиталу”, как “по силе”. А сила изменяется с ходом экономического развития... При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств. При капитализме невозможны иные средства восстановления, время от времени нарушенного, равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике». *Временные* соглашения между капиталистическими державами, конечно, возможны, говорил Ленин, но в этом смысле лозунг «Соединенные Штаты Европы» реакционен, ибо в этом смысле он может означать только «соглашение» *европейских* капиталистов... о том, как бы сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии *против* Японии и Америки.

Возможно, однако, что т. Троцкий ставил свой лозунг в связь с победой *социалистической* революции в обстановке мировой войны. Но в таком случае надо было бы говорить не о Соединенных Штатах Европы, а о Соединенных Штатах Мира, ибо социалистическая революция в Европе не может победить без освобождения путем революции колониальных и полуколониальных народов в Азии и Африке. Однако и в этом случае (победа *социализма*) и в исправленном виде (Соединенные Штаты *Мира*), этот лозунг был бы нецелесообразен, ибо «он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране».

Итак, в лучшем случае лозунг т. Троцкого — Соединенные Штаты Европы — так же, как его лозунг «непрерывной революции», несмотря на свой видимый радикализм, отвлекал внимание от основной революционной задачи момента — развязывать революцию в той стране, где условия для нее были благоприятны,

идя на военное поражение и не дожидаясь, пока условия для революции созреют в других странах Европы.

После сказанного должно быть понятно, почему т. Троцкий и во время мировой войны не шел с большевиками, а оставался на левом фланге меньшевизма, так же как и в 1905 году.

Ленин с самого начала войны наметил тактику, которая шла по линии развития революции, как это впоследствии блестяще подтвердилось, но шла «против течения» в социалистическом мире и предъявляла огромные требования нашей партии — взять на себя инициативу мировой революции, пренебрегая наиболее глубоко вкоренившимися предрассудками почти всех социалистов мира. Поэтому он уже в Циммервальде и Кинтале вступил на путь раскола со всем II Интернационалом, направил главные, наиболее беспощадные свои удары против каутскианства, усыпавшего пролетариат своим пацифизмом, и начал сколачивать «левое крыло циммервальдийцев», которое было зародышем Коммунистического Интернационала. Тов. же Троцкий, рисовавший отрядные революционные перспективы, не видел главных трудностей родов революции, революционными фразами обходил эти трудности и не думал о том, как их на деле преодолеть. Поэтому ему позиция Ленина в то время представлялась «сектантской», поэтому он находил возможным во время войны сотрудничать с Мартовым в парижском «Нашем слове», поддерживать по-прежнему меньшевистскую фракцию Чхеидзе в Государственной думе и идти в союзе с западно-европейскими «центристами» в Циммервальде, лишь слегка, по-дружески их журуя. Еще в 1914 году он находил возможным писать по поводу письма Каутского: «И если Каутский — как и Гаазе или Ледебур — является нашим и наших ближайших единомышленников Германии *политическим союзником*, то письмо его снова напоминает нам, что союз с Каутским должен в настоящих условиях дополняться систематической идейной борьбой против его бесформенного и выжидательного пацифизма».

Только тогда, когда вождь меньшевистской думской фракции «циммервальдиец» Чхеидзе своим выступлением в Самтреди против «беспорядков» заслужил одобрения губернатора, т. Троцкий на него резко напал в парижском «Нашем слове», чем вызвал уход из редакции «Нашего слова» Мартова, считавшего нужным до конца прикрывать Чхеидзе. И только тогда, когда меньшевики

в огромном большинстве заняли в 1917 году определено контрреволюционную позицию, т. Троцкий окончательно оборвал свою организационную связь с меньшевиками — русскими и западно-европейскими — и вступил в большевистскую партию, открывая новую, лучшую страницу в своей политической жизни.

* * *

Я не буду описывать дальнейших зигзагов в политической карьере т. Троцкого. Об этом достаточно и много писалось, и это не входит в тему моей статьи, трактующей лишь об истоках троцкизма, т. е. о политической деятельности т. Троцкого в эпоху его сожителства с меньшевиками. Скажу только, что, по моему убеждению, т. Троцкий все время и поныне, несмотря на свой зигзаг в эпоху «военного коммунизма», в эпоху наибольшего стихийного обострения гражданской войны, когда он стал *стихийным* якобинцем, остался по существу тем же, чем был и раньше, так же, как он в 1905 году, несмотря на свое сильное полевание, остался тем же по существу, чем был в 1903–4 годах, когда он ликвидировал гегемонию пролетариата. Разница лишь в том, что во время Октябрьской революции еще ярче вспыхнули его таланты и еще несравненно крупнее были его заслуги как «трубача и барабанщика великого класса».

Значит ли это, что т. Троцкий и теперь «левый, меньшевик»? Конечно, нет, ибо в эволюции самого меньшевизма количество перешло в качество, ибо меньшевизм теперь стал определенно предательским, контрреволюционным направлением. Именно это окончательно оттолкнуло т. Троцкого от меньшевиков летом 1917 года и побудило его вступить в большевистскую партию.

Значит ли это, что «троцкизм» не опасен теперь для большевистской партии? Отнюдь не значит. Правда, Троцкий и теперь не способен, как никогда не был способен, по самому характеру своей романтической идеологии, создать сколько-нибудь сильную и многочисленную фракцию, связанную с рабочим классом. Но «троцкизм» опасен тем, что он совершает отрицательную работу распатывания основ большевистской партии, что он отвлекает ее внимание от крестьянства, когда интерес к крестьянству должен быть во много крат усилен, что он пытается ослабить дисциплину в нашей партии, пробить в ней брешь, в которую против воли и против ожидания т. Троцкого могли бы залезть не троцкисты,

а настоящие меньшевики. К счастью, наша партия достаточно сильна и достаточно бдительна, чтобы своевременно задушить эту опасность в самом зародыше. И это, может быть, будет счастьем для самого т. Троцкого: он наконец должен будет серьезно переоценить свои взгляды и сказать себе:

История оправдала не троцкизм, а ленинизм.
Ты победил, Галилеянин!

